

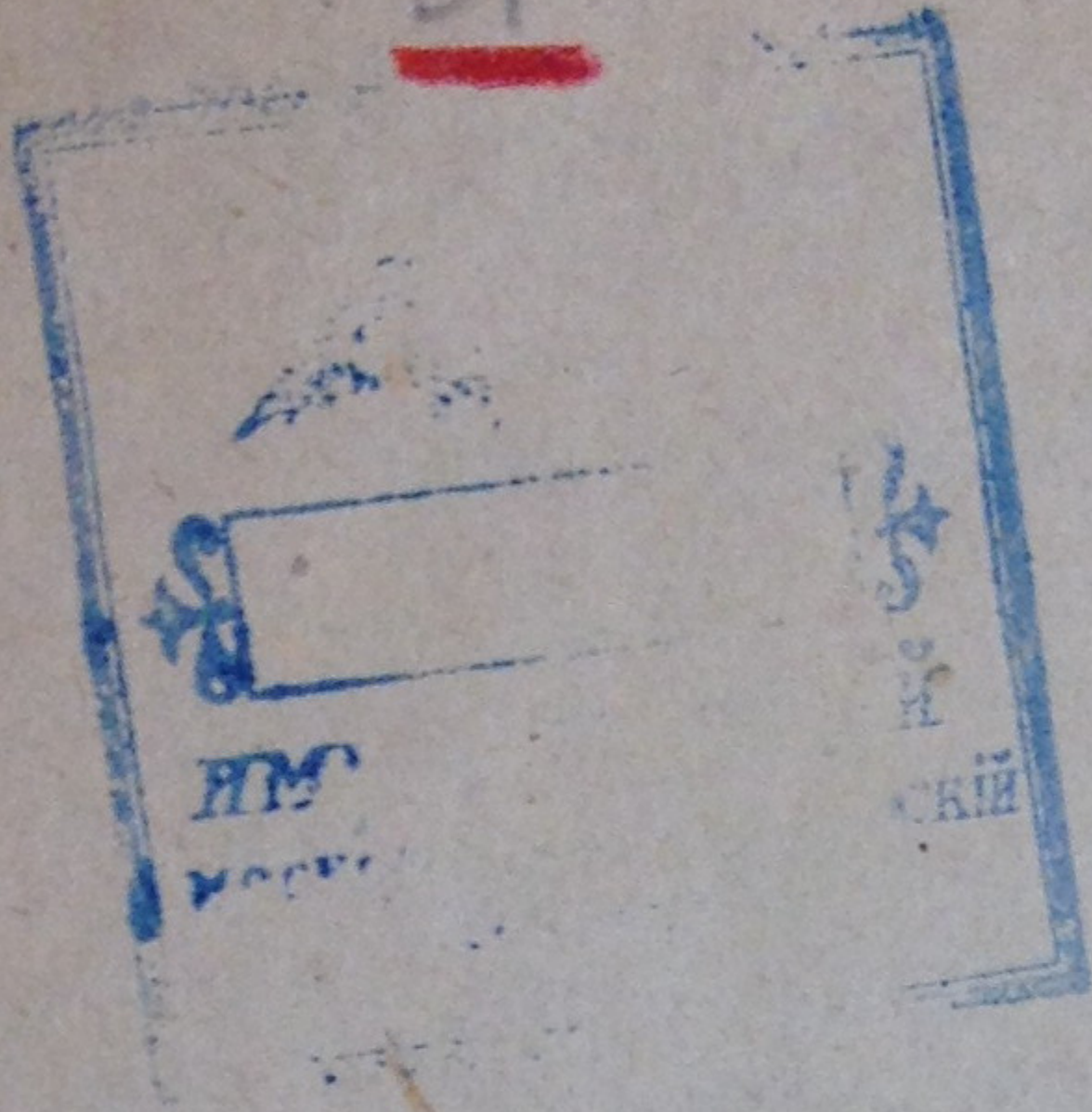
21-86
9334-1

R 461
31

Ан. Ив. САВЕНКО.

33-114

1897

Украинцы или Малороссы?

(Національное самоопредѣленіе населенія Южной Россіи).

Ростовъ на Дону.

1919 г.

Украинцы или малороссы?

(Національное самоопредѣленіе населенія Южной Россіи).

ПОГАШЕНО
33

Великая міровая война, являющаяся міровой борьбой народовъ, и затѣмъ побѣда державъ Согласія надъ германской коалиціей, открывающая поработеннымъ народамъ пути къ свободной и независимой національной и государственной жизни, выдвинули на первое мѣсто принципъ національнаго самоопредѣленія населенія различныхъ, большихъ и малыхъ, областей, ибо какъ созданіе новыхъ государствъ изъ областей, входившихъ до нынѣшней войны въ составъ другихъ государствъ, такъ и опредѣленіе границъ этихъ новыхъ государствъ (а равно исправленіе границъ старыхъ государствъ) всецѣло базируется на указанномъ принципѣ національнаго самоопредѣленія. Имъ опредѣляется какъ право данной области и ея населенія на самостоятельное государственное существованіе, такъ и границы вновь образуемыхъ государствъ, которыя должны совпадать съ границами этнографическаго расселенія даннаго народа. Однако, хотя принципъ свободы національнаго самоопредѣленія и вытекающіе изъ него выводы въ наше время получили всеобщее признаніе, но примѣненіе этого принципа на практикѣ сопряжено съ большими трудностями и часто требуетъ большой осторожности. И если въ однихъ случаяхъ эти трудности касаются только опредѣленія этнографическихъ границъ народа (а слѣдовательно, и границъ вновь образуемыхъ государствъ), ибо основной вопросъ (о правѣ на самостоятельное государственное существованіе) относительно, на примѣръ, такихъ народовъ, какъ поляки, чехи и др., является совершенно безспорнымъ, то въ другихъ случаяхъ спорнымъ и совершенно не доказаннымъ является вопросъ о самомъ существованіи отдѣльнаго народа, выдвигаемаго въ качествѣ субъекта національныхъ и политическихъ правъ, а равно и вопросъ о томъ, какъ въ дѣйствительности самоопредѣляетъ себя, въ національномъ отношеніи, то населеніе, относительно котораго нѣкоторыя политическія партіи доказываютъ, что это—особый народъ.

Особой осторожности требуетъ, такъ называемый, украинскій вопросъ. Послѣдній можетъ быть разсматриваемъ съ разныхъ сторонъ. Но насъ въ данномъ случаѣ интересуетъ одна

сторона этого большого и сложнаго вопроса: мы ставимъ себя задачей отвѣтить на вопросъ, какъ въ національномъ отноше- нии самоопредѣляетъ себя населеніе Южной Россіи, на терри- торіи которой нѣкоторые политическіе дѣятели и политическія партіи стремятся создать особое Украинское государство. Этотъ вопросъ является, согласно принципу свободы національнаго самоопредѣленія, основнымъ во всемъ украинскомъ вопросѣ, ибо если-бы было доказано, что населеніе Южной Россіи или хотя-бы только населеніе Малороссіи считаетъ себя украинца- ми, т.-е. особымъ народомъ, то отсюда были-бы неизбежны извѣстные выводы, которые пришли-бы сами собой. Разъ бу- деть доказано, что данная этнографическая масса представ- ляетъ собой совершенно отдѣльный, самостоятельный народъ и таковымъ чувствуетъ и самоопредѣляетъ себя, то этимъ са- мымъ будетъ установлено право этого народа на самостоятель- ное устроеніе своей жизни въ національномъ и государствен- номъ отношеніи. Дѣятели украинскаго движенія это очень хо- рошо понимаютъ, и потому они на эту сторону вопроса на- правляютъ главныя свои усилія. Вообще въ основѣ украинскаго политическаго сепаратизма лежитъ сепаратизмъ національный. Въ теченіе нѣсколькихъ десятилѣтій дѣятели украинскаго дви- женія сосредоточивали свои усилія въ двухъ направленіяхъ: съ одной стороны, они старались доказать, что украинцы—это от- дѣльный народъ, имѣющій свой особый языкъ, свою исторію, обычаи, право, искусство и т. д., т.-е. старались подвести на- учный фундаментъ подъ украинскій сепаратизмъ, а съ другой стороны, прилагали усилія къ тому, чтобы пробудить въ средѣ малорусскаго населенія или, вѣрнѣе, привить ему украинское національное самосознаніе. Работа этого рода въ глазахъ дѣя- телей украинскаго сепаратизма всегда стояла на первомъ мѣстѣ, и потому, когда основоположники украинскаго сепаратизма предприняли въ началѣ шестидесятыхъ годовъ изданіе въ Пе- тербургѣ журнала, посвященнаго научному обоснованію поло- женія о существованіи отдѣльнаго украинскаго народа, то они назвали его „Основой“.

Научный споръ по вопросу о томъ, существуетъ-ли особый украинскій народъ, является рѣшеннымъ въ отрицательномъ смыслѣ. Множествомъ авторитетнѣйшихъ ученыхъ изслѣдованій въ области антропологии, археологии, исторіи, лингвистики и т. д. установлено и неопровержимо доказано единство русскаго народа, который распадается на три вѣтви—великорусскую, ма- лорусскую и бѣлорусскую, отличающіяся одна отъ другой лишь незначительными, второстепенными различіями. Антропологи- ческія изслѣдованія какъ современныхъ представителей всѣхъ трехъ вѣтвей русскаго народа, такъ и череповъ, взятыхъ изъ славяно-русскихъ могилъ весьма отдаленныхъ эпохъ (эпохи до-

христианской и даже доисторической), устанавливают полное их этническое тождество и, следовательно, — единство русского этнического типа. Проф. И. А. Сикорский по этому поводу говорит, что данные антропологии отвергают существование „украинцевъ“ „какъ на землѣ, такъ и подъ землей“, т.-е. какъ среди живыхъ представителей населенія Южной Россіи, такъ и среди населенія кладбищъ и древнихъ могилъ. Всѣ данныя археологии, подвергшейся детальному изученію типы древнѣйшихъ славяно-русскихъ погребеній, домашній бытъ нашихъ предковъ, ихъ обычаи и т. д., также свидѣтельствуютъ о національномъ единствѣ русского народа. О томъ-же свидѣтельствуетъ та легкость, съ какой первые-же князья — Рюриковичи объединили въ одно цѣлое всѣ племена русского народа и слили ихъ въ одно русское государство. Всѣ славяно-русскія племена говорили на одномъ и томъ-же языкѣ, равно понятномъ для всѣхъ нашихъ предковъ. Несторъ-Лѣтописецъ опредѣленно и категорически свидѣтельствуетъ, что языкъ всѣхъ племенъ русскихъ славянъ былъ „единъ“. И нынѣ, несмотря на языковую дифференціацию, происшедшую уже на глазахъ исторіи, многочисленные авторитетные ученые изслѣдователи устанавливают единство русского языка, лишь раздѣляющагося на рядъ нарѣчій и поднарѣчій, причемъ русскій литературный языкъ является плодомъ совокупныхъ трудовъ всѣхъ трехъ вѣтвей русского народа, т.-е. языкомъ общерусскимъ. Исторія и археологія показываютъ намъ, какъ постепенно расселялся русскій народъ изъ Приднѣпровья по всей восточно-европейской равнинѣ и какъ онъ ассимилировалъ сосѣдніе финскіе и иные народы. И эта исторія великаго, многовѣкового расселенія русского народа показываетъ намъ, что Приднѣпровская Русь или Малороссія является самой древней и самой русской областью изъ всѣхъ русскихъ областей, гнѣздомъ и колыбелью русской національности и вмѣстѣ русской государственности.

Тѣмъ не менѣе, несмотря на то, что всѣ объективныя научныя данныя съ безспорностью устанавливаютъ національное единство русского народа, если бы однако южно-русская вѣтвь русского народа отреклась отъ славнаго, многовѣкового русского имени своихъ предковъ и самоопредѣлила себя украинцами, то съ такимъ явленіемъ пришлось-бы считаться и такъ или иначе пришлось бы склониться передъ совершившимся фактомъ.

Посмотримъ-же, какъ самоопредѣляло себя, въ національномъ отношеніи, въ прошломъ и самоопредѣляетъ нынѣ коренное населеніе Южной Россіи.

Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что всякій народъ въ національномъ отношеніи самоопредѣляетъ себя такъ, какъ онъ самъ себя называетъ. Иначе говоря, установить истинное національное имя даннаго народа вообще и населенія данной

области—въ частности, т.-е. то имя, какимъ данная нація сама себя называетъ, это значитъ установить, какъ въ національномъ смыслѣ самоопредѣляетъ себя населеніе данной страны. И вотъ, обращаясь къ разрѣшенію этого вопроса, мы наталкиваемся на изумительное обстоятельство: оказывается, что коренное населеніе Малой Руси, которому нынѣ такъ упорно стараются присвоить наименованіе „украинцевъ“, никогда, на протяжении многихъ вѣковъ, не считало и не называло себя украинцами: оно всегда и неизмѣнно самоопредѣляло себя русскимъ народомъ и своимъ національнымъ именемъ всегда считало — „русскій“.

Здѣсь заслуживаетъ вниманія то обстоятельство, что по мнѣнію крупнѣйшаго идеолога украинства проф. М. С. Грушевскаго, который окончательнo формулировалъ теорію отдѣльности и самостоятельности „украинскаго народа“ и подвелъ подъ эту теорію видимость научнаго фундамента, „украинцы“ являются не только совершенно особымъ народомъ, но и народомъ древнимъ, обитающимъ въ Поднѣпровьѣ уже болѣе тысячи лѣтъ. М. С. Грушевскій доказываетъ въ своихъ ученыхъ трудахъ, что населеніе Поднѣпровья со времени появленія здѣсь восточныхъ славянъ никогда не мѣнялось, и что тотъ самый народъ, который живетъ здѣсь нынѣ, жилъ здѣсь и тысячу лѣтъ назадъ. Иначе говоря, „украинцы“, населяющіе нынѣ Поднѣпровье (но отнюдь не называющіе себя такъ), являются, по мнѣнію проф. Грушевскаго, исконнымъ населеніемъ нашего края. Что же касается названія „украинцы“, то, по увѣренію М. С. Грушевскаго, „назва ся добра, стара, треба її держатися“ („Про старі часи на Україні“, стр. 4).

Но дѣйствительно-ли названіе „украинцы“ — „назва стара“? И нѣтъ-ли у населенія Поднѣпровья болѣе стараго названія? Да, оно есть. У всего населенія Поднѣпровья есть исконное, многовѣковое національное имя. И этого не отрицаетъ и самъ Мих. Грушевскій. Послѣдній, пуская въ оборотъ терминъ „украинцы“ и принимая мѣры къ укрѣпленію его, чувствуетъ скользкость почвы, на которую онъ сталъ, и часто дѣлаетъ оговорки. Вообще терминъ „украинцы“ появился и вошелъ въ употребленіе, въ его нынѣшнемъ смыслѣ, сравнительно совсѣмъ недавно. Наши старые украинофилы, считая себя и свой народъ русскими, если иногда и употребляли терминъ „украинцы“, то въ смыслѣ не національнаго, а провинціально-территориальнаго термина. Нѣкоторые, не дѣлая особаго различія между словами „малороссы“ и „украинцы“, употребляли то одинъ, то другой терминъ, подразумѣвая подъ „украинцами“ тѣхъ коренныхъ русскихъ людей, которые живутъ въ исконной русской области—Малороссіи или Украинѣ. Иначе говоря, тѣ жители Малороссіи, которые считаютъ себя русскими, иногда упот-

ребляють слово „украинцы“, но въ такомъ-же точно значеніи, въ какомъ русскіе, живущіе, напримѣръ, въ Сибири, называютъ себя сибиряками. Что-же касается термина „Украина“, то это послѣднее названіе за Малой Русью или, точнѣе, за частью ея закрѣплено было, благодаря произведеніямъ Шевченка. Но здѣсь необходимо отмѣтить, что, воспѣвая Украину, Т. Г. Шевченко, какъ чуткій народный поэтъ, не зналъ и никогда не употреблялъ термина „украинцы“, ибо этого слова въ народномъ языкѣ не было вовсе. Что-же касается слова „Украина“, то это названіе въ представленіи Шевченка обнимало только сравнительно незначительную часть средняго Приднѣпровья. Не говоря уже о Новороссіи, которая никогда Украиной не была, но даже Волынь Шевченко никогда Украиной не считалъ. Такъ, въ „Гайдамакахъ“ Шевченко писалъ:

„Розбрелись конфедерати
По Польщі, Волині,
По Литві, по Молдаванах
І по України“.

А въ „Вѣдьмѣ“ мы находимъ такіе стихи:

„Із-за Дністра пішли цигани
І на Волинь, і на Україну“.

Извѣстный историкъ-украинофилъ М. А. Максимовичъ также отличалъ Украину отъ другихъ частей Малороссіи: на стр. 136 перваго тома его сочиненій онъ говоритъ: „Народонаселеніе Украины, такъ же, какъ и Волыни и Галича, все продолжалось попрежнему“. А на стр. 131 онъ прямо говоритъ, что подъ Украиной надо разумѣть только Кіево-Переяславскую область.

Одинъ изъ первыхъ основоположниковъ украинскаго движенія, историкъ Н. И. Костомаровъ, работавшій вмѣстѣ съ Шевченкомъ и Кулишомъ въ Кіевѣ—въ Кирилло-Меѳодіевскомъ братствѣ, а потомъ бывшій однимъ изъ руководителей указаннаго выше журнала „Основа“, доказывая, что населеніе южной и сѣверной Россіи представляетъ собой два различныхъ народа, тѣмъ не менѣе всегда говорилъ о *двухъ русскихъ народностяхъ*, т. е. онъ, какъ истинный ученый, не находилъ возможнымъ отрицать, что южно-русы—русскіе. М. А. Максимовичъ въ письмѣ къ М. П. Погодину о Богданѣ Хмельницкомъ говоритъ: „Московская и Кіевская Русь—двѣ стороны одного русскаго міра“ (томъ I, стр. 297). Даже П. А. Кулишъ, одинъ изъ наиболѣе непримиримыхъ идеологовъ украинства, признавалъ это единство русскаго міра: онъ издавалъ „Записки о Южной Руси“, въ своихъ сочиненіяхъ онъ не разъ говорилъ о „южно-русскомъ племени“, объ „общерусскомъ языкѣ“. А въ эпилогѣ къ роману „Черная Рада“ онъ говорилъ, что этимъ романомъ хотѣлъ доказать „нравственную необходимость слянія въ одно госу-

дарство Южнаго Русскаго племени съ Сѣвернымъ“. Окончательно терминъ „украинцы“ закрѣпилъ уже въ наши дни, воспользовавшись слабостью національнаго чувства и національнымъ безразличіемъ, господствовавшимъ въ широкихъ кругахъ нашего интеллигентнаго общества, проф. М. С. Грушевскій. Но даже и этотъ послѣдній сдѣлалъ это далеко не сразу. Какъ ученый, привыкшій углубляться въ далекое прошлое нашей страны, онъ знаетъ хорошо, что древнее національное имя наше—*русскіе*, и потому только послѣ долгихъ колебаній, только послѣ того, какъ политикъ въ М. С. Грушевскомъ окончательно побѣдилъ ученаго историка, онъ рѣшился отречься отъ славнаго имени нашихъ предковъ, отъ великаго русскаго имени и назвать малороссовъ „украинцами“. Еще свой большой трудъ по исторіи Южной Руси Мих. Грушевскій назвалъ: „Исторія Украины—Руси“. Такимъ образомъ, въ самомъ названіи своего большого историческаго труда онъ не рѣшился порвать съ древнимъ нашимъ національнымъ именемъ „Русь“. Болѣе того, въ этомъ трудѣ онъ признается, что слово „украинцы“ это новый терминъ, принятый лишь „національнымъ возрожденіемъ XIX в.“. Самый трудъ М. Грушевскаго начинается слѣдующимъ заявленіемъ, содержащимъ въ себѣ весьма знаменательныя признанія*):

„Этотъ трудъ имѣетъ дать изображеніе историческаго развитія жизни украинскъ-русскаго (въ подлинникѣ: „українсько-руського“) народа, о который иначе называется „малорусскимъ“, „южно-русскими“, просто „русскимъ“ или „русинскимъ“. Это старое, историческое имя: Русь, Русинъ, Русскій—во времена его политическаго и культурнаго упадка было присвоено великорусскимъ народомъ, политическая и культурная жизнь котораго развернулась на традиціяхъ древней Русской державы, такъ что Московская держава (прежде всего наслѣдованіемъ династическихъ связей) считала себя ея преемницею. Когда въ XVII в. украинскій народъ также входитъ въ составъ Московской державы и возникаетъ потребность отличать его отъ московскаго народа, то начинаютъ входить въ употребленіе болѣе или менѣе новыя и искусственныя имена для него, изъ которыхъ долго держался официально принятый терминъ: „малороссійскій“, „Малороссія“. Теперь-же въ украинской литературѣ вошло въ употребленіе имя: „українсько-руський“. Оно соединяетъ старое, традиціонное имя съ именемъ новымъ, которое появилось во времена наибольшаго напряженія народной жизни въ Поднѣпровьѣ, носившемъ тогда имя Украины, и потомъ въ народной тради-

*) Цитируемъ въ переводѣ на русскій языкъ.

ши связалось съ тѣмъ народнымъ движеніемъ, съ національными стремленіями и было принято національнымъ возрожденіемъ XIX вѣка („Исторія Украины—Руси“, 1898 г.). По поводу приведенныхъ заявленій и признаній М. С. Грушевскаго должно замѣтить, что утверждение его будто терминъ: „малороссійскій“, „Малороссія“ началъ входить въ употребленіе лишь послѣ того, какъ „народъ украинскій“ вошелъ въ составъ Московской державы, совершенно невѣрно. Давно уже доказано, что терминъ: „Малороссія“, „малороссійскій“ очень давняго происхожденія, и что употреблялись они задолго до 1654 года. Еще М. А. Максимовичъ въ 1808 году выступилъ со статьей, имѣвшей цѣлю „уничтожить навсегда этотъ несправедливый и нерусскій толкъ“, а толкъ этого заключался, какъ говоритъ въ той же статьѣ М. А. Максимовичъ въ утвержденіи, „будто названіе *Малой Россіи* и *Малороссіи* придано Кіевской Руси уже по соединеніи ея съ Русью Великою или Московскою“. Въ своей статьѣ М. А. Максимовичъ приводитъ множество цитатъ изъ старыхъ книгъ, актовъ и иныхъ документовъ, доказывающихъ, что указанные термины употреблялись и до соединенія Руси въ 1654 году. Приведемъ нѣкоторыя изъ этихъ цитатъ. Въ послѣсловіи къ „Анеологіону“, изданному въ Кіевѣ въ 1619 году, типографъ Берында говоритъ читателю о Лаврѣ Печерской: „се убо приноситъ ти... матеръ твою въ *Росіи Малой*“. Въ „Октоихѣ“, изданномъ въ Львовѣ въ 1630 году, сказано: „въ градѣ Леондополи *Малыя Россіи*“. Богданъ Хмельницкій въ своемъ Бѣлоцерковскомъ универсалѣ отъ 1648 года писалъ: „вамъ всѣмъ обще *Малороссійскому* о томъ доносимъ... о уволненіи отъ бѣдъ людскихъ всего народа *Малороссійского*“. А вотъ отрывокъ изъ замѣчательнаго письма къ Богдану Хмельницкому отъ Запорожской Сѣчи, писанаго 3 января 1654 года: „А замысль вашу, щобъ удалити и буди зо всѣмъ народомъ *Малороссійскимъ*, по обоимъ сторонахъ Днѣпра будучимъ, подъ протекцію великодержавнѣйшого и пресвѣтлѣйшого монарха Россійского за слушный быти признаваемъ и даемо нашу войсковую вамъ порадую, абысте того дѣла не оставляли и оное кончили, якъ ку наилучшой ползѣ отчизны нашей *Малороссійской*“ (Собраніе сочиненій М. А. Максимовича, томъ II, Кіевъ 1877: стр. 308—311). Несмотря на столь, дѣйствительно уничтожающее разъясненіе знаменитаго историка-украинофила, Мих. Грушевскій вновь повторяетъ тотъ „несправедливый и нерусскій толкъ“, который такъ огорчалъ М. А. Максимовича.

Изъ цитированнаго выше замѣчательнаго признанія автора „Исторіи Украины—Руси“ видно, что М. С. Грушевскій признаетъ слѣдующія положенія: 1. старымъ, историческимъ національнымъ нашимъ именемъ является: Русь, Русинь, рус-

скій; 2, особья наименованія южно-русская вѣтвь русскаго народа въ отличіе отъ сѣверо-русской или великорусской вѣтви стала получать лишь въ XVII столѣтіи, послѣ воссоединенія Великой и Малой Руси, причемъ изъ этихъ особыхъ наименованій общепринятымъ и долго державшимся былъ терминъ: „малороссы“; 3, лишь „теперь“ (т. е. въ эпоху написанія „Исторіи Украины—Руси“, въ 1898 г.) въ украинской литературѣ вошло въ употребленіе имя: „украинско-русскій“.

Дальше термина: „украинско-русскій“ М. С. Грушевскій въ ту эпоху (въ эпоху, предшествовавшую революціи 1905 года) не шелъ, т. е. онъ тогда еще не рвалъ окончательно съ исторической традиціей, съ нашимъ многовѣковымъ національнымъ именемъ. Сдѣлалъ онъ это уже позже, когда послѣ перелома, наступившаго въ жизни Россіи въ 1905—1906 гг., передъ вождями украинскаго движенія открылись новыя широкія перспективы и когда ученый историкъ Мих. Грушевскій окончательно съ головой ушелъ въ политику и выступилъ, въ эпоху 1-й Государственной Думы, съ программой образованія особаго Украинскаго государства, связаннаго съ остальной Россіей лишь федеративной связью. Вотъ тогда-то для Мих. Грушевскаго кончился періодъ „украинско-русскій“ и начался періодъ чисто-украинскій. Характерно, однако, что даже послѣ полного и окончательнаго отреченія (уже въ пору преклоннаго возраста) отъ русскаго имени и послѣ заявленія, что „украинцы“ — „назва добра, стара, треба її держатися“, самъ Мих. Грушевскій съ трудомъ справляется съ своимъ привычнымъ мышленіемъ, обличающимъ его истинное національное самоопредѣленіе, и плохо слѣдуетъ указанному его же собственному совѣту. Такъ, уже въ позднѣйшихъ своихъ трудахъ онъ иногда сбивается съ установленной имъ терминологіи и употребляетъ термины: Русь, русскій. Напримѣръ, въ тенденціозной „Иллюстрированной исторіи Украины“, выдержанной въ духъ идеи украинскаго національнаго и политическаго сепаратизма, онъ нерѣдко сбивается съ своей новой терминологіи. Въ главѣ: „Ярославичи“ онъ пишетъ, что Ярославичи безуспѣшно стремились „собрать воедино земли Русскаго государства“.

Что же побудило вождей украинскаго движенія и въ томъ числѣ крупнѣйшаго изъ нихъ—М. С. Грушевскаго отречься отъ національнаго имени нашихъ предковъ и настойчиво стремиться перекрестить южно-русскую вѣтвь единаго русскаго народа въ „украинцевъ“? Какъ извѣстно, сущность ученія воинствующаго украинства заключается въ утвержденіи, что украинцы—это совершенно особый народъ, не имѣющій ничего общаго съ русскимъ народомъ. Въ семьѣ славянскихъ народовъ „украинскому народу“ вожди украинства отводятъ такое-же совершенно самостоятельное мѣсто, какъ и народамъ польскому, чешскому,

сербскому, болгарскому, дѣлая отсюда и соотвѣтственныя выводы. Но совершенно ясно, что если украинцы — совершенно отдѣльный народъ, то онъ долженъ имѣть не только все то, что вообще характеризуетъ національную самостоятельность народа (и прежде всего — языкъ), но и свое особое національное имя, причемъ, если украинцы — совершенно особый народъ, не имѣющій ничего общаго съ русскимъ народомъ, то и национальное имя его не должно имѣть ничего общаго съ национальнымъ именемъ русскаго народа и не должно ничѣмъ напоминать о послѣднемъ. Вотъ почему въ терминѣ „украинско-русскій“, рекомендованномъ М. С. Грушевскимъ въ его „Исторіи Украины-Руси“ въ качествѣ термина, вошедшаго въ XIX столѣтіи въ употребленіе, послѣ 1905 года вторая часть его отпадаетъ, равно, какъ и „Исторія Украины-Руси“ впоследствии превратилась въ „Исторію Украины“. Вопросъ о національномъ имени населенія Малой Руси ставилъ передъ творцами и вождями политическаго украинства трудную задачу, которую, однако, соотвѣтственно ихъ политическимъ видамъ, необходимо было разрѣшить. Одной изъ практическихъ задачъ украинства является пробужденіе въ населеніи Малороссіи своего особаго національнаго самосознанія. На эту сторону дѣла дѣятели украинскаго движенія послѣ 1905 года обратили самое серьезное вниманіе. Но они очень скоро убѣдились, что усилія ихъ, направленные къ тому, чтобы пробудить въ средѣ населенія Малороссіи не русское, а какое-то особое національное самосознаніе, т. е. привить населенію Малороссіи сознаніе, будто оно представляетъ собой совершенно особый, самостоятельный народъ, требуютъ прежде всего, чтобы этотъ, якобы, особый народъ имѣлъ и свое особое національное имя. А такъ какъ этого особаго національнаго имени никогда не было и нѣтъ, то необходимо было изобрѣсти его, дабы затѣмъ пропаганду идеи украинскаго національнаго самосознанія практически свести прежде всего къ пропагандѣ и къ закрѣпленію этого новаго національнаго имени. Честь изобрѣтенія этого новаго національнаго имени, такъ-же, какъ и честь изобрѣтенія „украинскаго“ языка, принадлежитъ проф. М. С. Грушевскому, который и является истиннымъ создателемъ „украинскаго народа“. При выполненіи обѣихъ указанныхъ задачъ Мих. Грушевскій шелъ однимъ и тѣмъ-же путемъ: онъ старался придумать такой языкъ, который былъ бы какъ можно меньше похожъ на русскій языкъ, и такое имя, которое ничѣмъ не напоминало бы о нашемъ многолѣтнемъ національномъ имени — русскій. Чтобы „украинскій“ языкъ былъ какъ можно меньше похожъ на русскій языкъ, для этого Мих. Грушевскій и его соратники, выковыривая новый языкъ, недостающій лексическій матеріалъ обильно черпаютъ не изъ богатаго и совершеннаго русскаго языка,

являющагося созданіемъ соединенныхъ усилій всѣхъ трехъ вѣтвей русскаго народа, а изъ языковъ польскаго (главнымъ образомъ), нѣмецкаго и даже латинскаго и французскаго. Такъ созданъ былъ этотъ уродливый языкъ, совершенно непонятный для народныхъ массъ населенія Южной Россіи и служащій предметомъ безконечныхъ насмѣшекъ и издѣвательствъ со стороны южно-русской интеллигенціи. А дабы этотъ искусственно выкованный языкъ даже внѣшнимъ видомъ своимъ не былъ похожъ на русскій языкъ, украинцы придумали реформу правописанія, порвавъ съ нашимъ историческимъ (этимологическимъ) правописаніемъ и изобрѣтя новое правописаніе — фонетическое. Вожди украинства любятъ говорить о своей любви къ родной старинѣ, объ историческихъ традиціяхъ и т. д. Но изобрѣтая и принудительно вводя (сначала въ австрійской Галиціи) фонетическое правописаніе, они рѣзко рвали съ исторической традиціей, ибо всѣ южно русскіе акты на протяженіи нѣсколькихъ вѣковъ, всѣ документы гетманской эпохи, въ томъ числѣ универсалы всѣхъ нашихъ гетмановъ, всѣ произведенія старыхъ малорусскихъ писателей-украинфиловъ писаны этимологическимъ правописаніемъ. Даже Т. Г. Шевченко свои произведенія писалъ, какъ въ этомъ можно удостовѣриться по поллиникамъ, нашимъ общерусскимъ (этимологическимъ) правописаніемъ. Но создатели и вожди украинства въ своемъ сепаратизмѣ были столь рѣшительны и безцеремонны, что кощунственно „перелицевали“ на австрійскую фонетику даже произведенія Шевченка, котораго они, якобы, такъ чтутъ, и въ такомъ изуродованномъ видѣ издаютъ ихъ. Самъ Мих. Грушевскій доходилъ до того, что пробовалъ писать свои историко-публицистическія статьи даже латинскими буквами. Не ограничившись изобрѣтеніемъ фонетическаго правописанія, дѣятели украинскаго движенія перемѣнили значеніе нѣкоторыхъ буквъ, придумали новыя буквы и т. д. Вся эта антикультурная работа дѣлалась исключительно по побужденіямъ культурно-національнаго сепаратизма (какъ необходимой ступени, предшествующей сепаратизму политическому) и имѣла цѣлью показать, что „украинскій“ языкъ — совершенно особый языкъ, не имѣющій даже по внѣшнему своему виду ничего общаго съ русскимъ языкомъ. Последней цѣли вожди украинскаго движенія дос игли. Но справедливость требуетъ признать, что выкованный ими языкъ не имѣетъ ничего общаго не только съ обще русскимъ литературнымъ языкомъ, въ сокровищницу котораго очень большой вкладъ внесли малороссы, но даже и съ малорусскимъ нарѣчіемъ, на которомъ писалъ свои произведенія Т. Г. Шевченко.

На ряду съ созданіемъ особаго „украинскаго“ языка, дѣятели украинскаго движенія усердно трудились чадъ созданіемъ украинской исторіи (причемъ, начиная исторію „украинскаго“

народа прямо со временъ скивовъ, гунновъ и аваровъ, они весь начальный—дотатарскій—періодъ русской исторіи включили въ исторію „украинскаго“ народа), искусства, надъ собираніемъ и обработкой всего того, что обнимается понятіемъ этнографіи и т. д. И когда все это было сдѣлано, то оставалось увѣнчать зданіе и дать вновь созданному особому народу и особое національное имя, т. е. надо было, по соображеніямъ политическаго характера, переименовать русское населеніе Южной Россіи. Сдѣлать это было не легко, но надо было сдѣлать, ибо не можетъ-же особый народъ не имѣть своего особаго имени. Мих. Грушевскій долго и настойчиво искалъ имени, какимъ можно было бы окрестить вновь созданный народъ. Къ этому имени предъявлялось одно основное требованіе: оно не должно было заключать въ себѣ ничего такого, что могло напоминать о русскомъ народѣ. Послѣ долгихъ неудачныхъ поисковъ, переживъ сначала, какъ выше уже было указано, эпоху термина „украинско-русскій“, Мих. Грушевскій остановился на имени „украинцы“. Сдѣлано это было единственно по тѣмъ соображеніямъ, чтобы самымъ наименованіемъ вновь созданнаго народа положить рѣзкую грань между нимъ и русскимъ народомъ.

II.

Послѣ этихъ предварительныхъ замѣчаній перейдемъ къ разсмотрѣнію вопроса о томъ, какъ всегда самоопредѣляло и называло себя населеніе Малой Руси, то населеніе, которое, по признанію Мих. Грушевскаго, по этнографическому составу своему не измѣнялось въ теченіе всей свыше 1000-лѣтней нашей исторіи. Начнемъ съ древнѣйшей эпохи и посмотримъ, какъ наши предки именовали себя въ древнѣйшихъ памятникахъ письменности, дошедшихъ до насъ. На первомъ мѣстѣ въ этомъ отношеніи, конечно, стоитъ „Повѣсть временныхъ лѣтъ“ преподобнаго Нестора-Лѣтописца. Здѣсь необходимо отмѣтить, что дѣятели украинскаго движенія, „перелицевавъ“ на австрійскую фонетику всего Шевченка, позже стали „перелицевывать“ на украинскій ладъ и всю нашу исторію, въ томъ числѣ и древнѣйшіе источники нашей исторіи. Не избѣгъ этой участи даже преподобный Несторъ-Лѣтописецъ, который послѣ „перелицевки“ его украинскими фальсификаторами оказался „украинскимъ“ лѣтописцемъ и заговорилъ на „украинской“ мовѣ. Начало этой фальсификаціи положилъ самъ проф. М. С. Грушевскій. Несмотря на то, что въ 1898 году въ своемъ ученомъ трудѣ „Исторія Украины-Руси“ самъ М. С. Грушевскій, какъ уже было выше отмѣчено, призналъ, что „старымъ, историческимъ именемъ“ населенія Малой Руси было: „Русь, Русинь, русскій“, онъ въ позднѣйшихъ своихъ работахъ не только переходитъ на новую терминологію, но и въ древнихъ нашихъ

исторических источникахъ и документахъ подмѣняетъ подлинную ихъ терминологию новой, придуманной подъ вліяніемъ политической тенденціи. Такъ, на примѣръ, въ небольшой книжкѣ: „Про старіе часи на Україні“ (Петербургъ, 1907 г.), представляющей собой популярный очеркъ исторіи Южной Россіи, Мих. Грушевскій уже опредѣленно называетъ древне-Кіевское княжество — „Украинской державой“, а древнихъ русскихъ князей — „украинскими“ князьями, говоритъ, что среди всѣхъ „украинскихъ городовъ“ наибольшимъ и славнѣйшимъ былъ „Київ“, на страницѣ 36-й, прямо сообщаетъ, что Кіевъ изстари называется „матірью городовъ украинскихъ“; о князѣ Владимірѣ Святомаѣ Мих. Грушевскій повѣствуетъ, что онъ „позбиралъ усі украинскіе земли“ и т. д., вслѣдствіе чего „Украинская держава Всягаіа тоді від гір Карпатських до Кавказу, а на півночі до олги, до великих озер, що недалеко Петербурга“ и т. д.

Обратимся однако къ подлинникамъ и посмотримъ, какъ въ національномъ отношеніи самопредѣляли себя Несторъ-Лѣтописецъ и всѣ герои его „Повѣсти временныхъ лѣтъ“. Свой трудъ Несторъ Лѣтописецъ озаглавилъ такъ: „Се повѣсти временныхъ лѣтъ, откуда есть пошла руская земля, кто въ Кіевѣ нача первѣе княжити и откуда руская земля стала есть“. Уже однимъ приведеннымъ заглавіемъ Лѣтописи въ сущности сказано все: предъ нами — *русская* лѣтопись, лѣтописное сказаніе о жизни *русской* земли. Населеніе этой земли съ самыхъ древнихъ временъ называло себя „Русь“. Лѣтописецъ, рассказывая подъ 852-ымъ годомъ, со словъ греческихъ хроникъ, о томъ какъ „приходиша Русь на Царьгородъ“, говоритъ: „Нача ся прозывати Руская земля“. Подъ 898-ымъ годомъ Лѣтописецъ такъ говоритъ о Полянахъ, издревле населявшихъ Кіевскую область: „Поляне яже нынѣ зовомаю Русь“. Изъ этого видно, что населеніе Кіевской области носило по преимуществу имя Руси. И это настолько безспорно, что даже Мих. Грушевскій, называющій (послѣ 1905 года) Кіевъ „матірью городовъ украинскихъ“, въ выработанномъ имъ и опубликованномъ, послѣ революціи 1917 года, проектѣ раздѣленія Южной Россіи (или, по его терминологіи, Украины) на 27 областей или земель — область древнихъ Полянъ предлагаетъ назвать областью „Русь“. Такимъ образомъ, если-бы проектъ Мих. Грушевскаго былъ осуществленъ, то центральная и древнѣйшая область изобрѣтенной имъ „Украины“ носила-бы названіе „Русь“. Но возвратимся къ Нестору-Лѣтописцу. Припомнимъ такія общеизвѣстныя мѣста изъ Лѣтописи, какъ слова Олега, сказанныя имъ въ 882-омъ году при овладѣніи Кіевомъ: „Се буди мати градомъ рускимъ“*) (а не украинскимъ, какъ передѣлываетъ М. Грушевскій, а за нимъ и другіе украинцы). Въ знаменитомъ договорѣ Олега съ

*) Цитаты вездѣ сдѣланы по Лаврентьевскому списку Лѣтописи.

греками, заключенномъ въ 907 году, говорится объ укладкахъ „на русскіе грады“, причемъ перечисляются и эти „грады“, и, конечно, Кіевъ стоитъ первымъ въ этомъ спискѣ русскихъ городовъ. Въ договорѣ Игоря съ греками отъ 945 года говорится о „русскихъ послахъ“ и о „русскомъ законѣ“. Или вотъ классическое изреченіе Святослава, переданное Лѣтописцемъ подъ 971-ымъ годомъ: „Да не посраимъ земли Русской (на открыткѣ одного украинскаго издательства Святославъ уже превращенъ въ „украинца“ и говоритъ уже совсѣмъ другое: „Не посоромим землі української“). Въ переговорахъ съ греками Святославъ говоритъ: „Азь Святославъ, князь Русскій.... и ижи суть подо мною Русь“. Древнѣйшій нашъ кодексъ (Ярослава Мудраго) называется: „Русская правда“ (это не мѣшаетъ украинцамъ называть кодексъ Ярослава Мудраго „древнѣйшимъ украинскимъ кодексомъ“). Въ дошедшемъ до насъ поученіи Владиміра Мономаха мы читаемъ: „Азь нареченный въ крещеніи Василій, Руськимъ именемъ Володимиръ“. На знаменитомъ съѣздѣ князей въ Любечѣ въ 1097 году князья говорятъ; „Почто губимъ Руськую землю“. Въ томъ-же году ослѣпленный князь-богатырь Василько, рассказывая, какъ онъ хотѣлъ идти войной на половцевъ, говоритъ: „любо налѣзу собѣ славу, а любо голову свою сложу за Руськую землю“. Такихъ и подобныхъ имъ цитатъ изъ Лѣтописи Нестора можно набрать безконечное множество. Но уже приведенныхъ цитатъ совершенно достаточно для того, чтобы съ совершенно безспорной ясностью показать, какъ самоопредѣляли себя, въ національномъ отношеніи, наши предки въ древнѣшую эпоху нашей исторіи: совершенно ясно, что въ эпоху охватываемую „Повѣстью временныхъ лѣтъ“, всѣ великіе и славные дѣятели нашей исторіи, всѣ создатели Русскаго государства, благодаря подвигамъ которыхъ русское имя прогремѣло по всѣмъ странамъ тогдашняго міра, считали себя русскими людьми, а свою родину — русскою землею. И каково было-бы изумленіе и негодованіе Олега, Ольги, Святослава, Владиміра Святого, Ярослава Мудраго, Владиміра Мономаха и прочихъ великихъ людей древнѣйшей эпохи нашей исторіи, если-бы они узнали, что по разъясненію ученаго историка XX столѣтія окажется, что они — не русскіе, а украинцы и что ихъ родина, за благо и славу которой они понесли столько трудовъ, — не Русская земля, а Украина. Продолжатели Нестора-Лѣтописца, равно, какъ и герои всѣхъ ихъ тописаній, также всегда и неизмѣнно самоопредѣляли и называли себя русскими. Это настолько безспорно, что даже Мих. Грушевскій въ своей крайне тенденціозной книжкѣ: „Про старі часи на Україні“, подводя итоги рассказа о томъ, какъ постепенно образовалась „Українська держава“, говоритъ: „Такъ склалася держава Київська, або Руська. Я казавъ уже, що

Київський Край звався здавна руськимъ краємъ, Русію. Тому київські книзі тежъ звалися руськими, київська дружина—Русинами. І ті землі, що вона з князями підби-ала, до Києва прилучала, починали тежъ зватися руськими, Русію“ (стр. 20).

Итакъ, относительно древняго періода нашей исторіи не можетъ быть даже и спора. Но и въ позднѣйшія эпохи наши предки продолжали считать себя русскими и не знали никакихъ „украинцевъ“. Во всѣхъ древнихъ памятникахъ нашей письменности, равно какъ и въ древне-народномъ эпосѣ, вы не встрѣтите даже слова „украинець“. Мы уже оставляемъ въ сторонѣ наши чудныя русскія былины, воспѣвающія героевъ эпохи древне-кіевскихъ князей и ихъ подвиги, такъ какъ по вопросу о томъ, гдѣ именно и когда были сложены эти чисто-русскія былины, продолжается споръ. Но вотъ предъ нами дивная поэма „Слово о полку Игоревѣ“, произведение XII стол. Ученые украинскаго лагеря не только не отрицаютъ, что гениальный авторъ этого произведенія—южно-русь, но даже зачисляють „Слово о полку Игоревѣ“ въ число древнихъ произведеній украинской литературы. И что-же? Авторъ „Слова о полку Игоревѣ“ скорбитъ о бѣдствіяхъ, постигшихъ русскую землю, воспѣваетъ тѣхъ русскихъ князей, которые геройски боролись за русскую землю, говоритъ о русской славѣ, о русской чести, повѣствуетъ о плачѣ русскихъ женщинъ и т. д., а население русской земли называетъ русичами. Никакихъ „украинцевъ“ онъ не знаетъ и о существованіи ихъ и не подозреваетъ. Недавно умершій профессоръ И. А. Сикорскій по этому поводу, полемизируя съ Мих. Грушевскимъ, очень мѣтко сказалъ въ своей работѣ: „Русскіе и Украинцы“:

„Авторъ „Слова о полку“ Игоревѣ художественно увѣковѣчилъ эти чувства и переживанія, и по нимъ мы могли-бы и въ наши дни судить о томъ впечатлѣніи, какое было бы вызвано въ тогдашнемъ русскомъ обществѣ заявленіемъ украинскаго профессора. Съ какою силою бились русскіе герои съ половцами за русскую землю, пока не пали, съ такою-же силою они отстаивали-бы и свое имя „русичи“. Вдрогнули-бы и перевернулись въ землѣ кости этихъ „русичей“ на Каялѣ, если бы они узнали, что въ наши дни нашлись сомнѣвающіеся въ ихъ этникѣ и антропологии, въ ихъ скелетахъ и черепахъ. Мертвые не имутъ ни срама, ни гнѣва, и только по этой причинѣ они не схватятся за оружіе при отнятїи у нихъ имени, за которое они пали. Горько заплакалась-бы Ярославна въ Путивлѣ на стѣнѣ, когда услышала бы, что она—„украинка“, а не русская женщина“.

Впрочемъ, самъ Мих. Грушевскій въ сущности не отрицаетъ, что авторъ „Слова о полку Игоревѣ“ былъ русскій

поэтъ и что онъ художественно изображалъ подвиги и бѣдствія русскихъ людей. Такое мнѣніе мы основываемъ на слѣдующемъ: описывая бѣдствія, какія претерпѣвала „Украина“ отъ половцевъ, онъ, между прочимъ, приводитъ такую цитату изъ „Слова о полку Игоревѣ“ (въ переводѣ на украинскій языкъ): „Тоді рідко де по *руській землі* гукали орачі, за те часто кракали ворони, ділячи між собою трупи („Про старі часи на Україні“, стр. 33). Быть можетъ, по привычкѣ къ точности цитатъ, а быть можетъ, просто по недосмотру, Мих. Грушевскій въ приведенной цитатѣ не замѣнилъ подлиннаго выраженія „Слова о полку Игоревѣ“ „русская земля“ словами „украинская земля“, какъ онъ это безъ всякаго стѣсненія дѣлаетъ въ другихъ случаяхъ.

Итакъ, мы установили, что на протяженіи всей 4-вѣковой эпохи исторической жизни нашей родины до нашествія татаръ наши предки считали себя русскими, а свою родину — русскою землею и не знали никакихъ „украинцевъ“. И это вполне понятно ни о какой Украинѣ, въ національномъ смыслѣ, тогда не могло быть и рѣчи. Въ самомъ дѣлѣ, что означаетъ слово „Украина?“ Подъ „Украиной“ или Украиной разумѣется то, что находится „на краю“, лежитъ „у края“. Но вѣдь въ до-татарскую эпоху Приднѣпровье представляло собой не край русской земли, а самый центръ ея. Основнымъ ядромъ, вокругъ котораго собирались всѣ русскія племена, вся русская земля, были княжества: Кіевское, Черниговское и Переяславское, т. е. земли полянъ, сѣверянъ и древлянъ. И лишь значительно позже, когда, подъ вліяніемъ ударовъ судьбы, жизнь изъ Приднѣпровья отлила далеко на сѣверо-востокъ, а западно-русскія области вошли въ составъ Польско-Литовскаго государства, вотъ только тогда древне-русское Приднѣпровье дѣйствительно оказалось „у края“ — у края какъ Польскаго, такъ и Московскаго государствъ. Такое происхожденіе слова „Украина“ признаетъ и самъ Мих. Грушевскій. Въ своей книжкѣ „Про старі часи на Україні“ онъ, описывая возникновеніе малороссійскаго казачества, рассказываетъ, какъ население изъ Подоліи, Волини и изъ другихъ мѣстъ шло въ свободные края — „до Київщини та за Дніпро“, и далѣе продолжаетъ: „Сі краї подніпрянські прозивалися тоді Україною, бо лежали вже „на краю“ держави й за нею зачиналися дикі степи“ (стр. 55). Въ своей „Иллюстрированной исторіи Украины“ проф. М. Грушевскій, описывая запустѣніе Приднѣпровья, говоритъ, что именно эти роскошныя, дикія пустыни, этотъ „край крещенаго міра, потому и получившій специальное названіе Украины, привлекалъ къ себѣ население своимъ дикимъ привольемъ — тѣмъ, что здѣсь не было ни хозяина, ни пана“ (стр. 165, 166). Самъ Мих. Грушевскій относитъ это къ XVI ст. Изъ приведенныхъ

цитатъ видно, что проф. М. Грушевскій признаетъ происхожденіе и значеніе слова „Украина“ въ томъ смѣслѣ, какой мы указали, а именно: что подъ Украиной разумѣлся приднѣпровскій край Польско-Литовскаго государства и что слово это первоначально употреблялось въ значеніи имени нарицательнаго, но никакъ не собственнаго. Правда, болѣе ретивые украинцы (какъ, напримѣръ, С. П. Шелухинъ) старались доказать, будто Украина—это древнее собственное имя Приднѣпровской Руси. Но попытки эти совершенно несостоятельны. А ссылки, которыя дѣлаются въ этихъ случаяхъ на наши лѣтописи, доказываютъ какъ разъ обратное, а именно: что наши лѣтописи слово Украина всегда употребляли въ значеніи: окраина, пограничье. и потому различали цѣлый рядъ различныхъ Украинъ. Впервые въ лѣтописи (Ипатьевской) слово Украина встрѣчается подъ 1187 годомъ, когда лѣтописецъ, рассказывая о болѣзни и смерти одного изъ героевъ древней Руси, переяславскаго князя Владиміра Глѣбовича, прибавляетъ: „о немъ-же Украина много постана“. Совершенно ясно, что тогда, въ концѣ XII ст., Переяславская область была окраинной, пограничной съ половецкой степью, и что смерть князя Владиміра Глѣбовича, геройски боровшагося съ половцами и защищавшаго Переяславскую окраину русской земли, оплакивала не вся Русь, а только эта окраина, эта пограничная область, которую умершій князь такъ самоотверженно защищалъ отъ половцевъ. Въ дальнѣйшемъ та-же лѣтопись говоритъ (подъ 1189 годомъ) объ „украинѣ Галичской“; въ рассказѣ подъ 1213 годомъ словомъ „украина“ лѣтописецъ обозначаетъ мѣстность, лежащую на пограничьи съ Польшей, и т. д. Такимъ образомъ, совершенно ясно, что наши лѣтописи слово „украина“ употребляли въ значеніи имени нарицательнаго—для обозначенія окраинныхъ, пограничныхъ областей. Это признаетъ и Мих. Грушевскій, который въ своей „Исторіи Украины—Руси“ говоритъ, что „въ старорусскихъ часахъ слово „украина“ уживается въ загалымъ значінню погранича“, т. е. что слово „украина“ употребляется въ общемъ значеніи пограничья. Такимъ образомъ, слово „украина“ было терминомъ чисто-территориальнымъ. Въ національномъ-же смѣслѣ Приднѣпровье всегда называлось Русью, Русскою землею, причемъ въ эпоху, когда русскій народъ раздвинулъ свои владѣнія далеко на сѣверо-востокъ, Киевская земля и вообще среднее Приднѣпровье стало называться Русью по преимуществу. Въ лѣтописяхъ нашихъ выраженіе „поѣхать въ Русь“ часто употребляется въ смѣслѣ—поѣхать изъ Руси сѣверо-восточной въ Русь южную. Или вотъ, напримѣръ, какъ великій князь Всеволодъ Суздальскій упрекалъ Киевскаго князя Рюрика, передавъ ему черезъ своихъ пословъ:... „нынѣ сѣлъ еси въ Киевѣ, а мнѣ еси части не учинилъ въ Русской зем-

лѣ". Значительно позже, когда выросла мощь Московскаго государства, широко раздвинувшаго свои предѣлы во всѣ стороны, Русское государство имѣло много своихъ Украинъ или Украйнъ, ибо все то, что лежало „у края“ Московскаго государства, также называлось Украиной. Отсюда Украйны: Рязанская, Тульская, Смоленская, Псковская, Литовскія украины, Мещерскія, Мордовскія и т. д. Но было-бы очень странно утверждать, что, напримѣръ, жители Рязанской Украйны—это не русскіе, а какой-то особый народъ—украинцы или рязанцы. Точно такъ-же лишено всякихъ основаній и утверждение, будто жители поднѣпровской Украйны—не русскіе, а какой-то особый народъ—украинцы. Какъ нѣтъ особаго народа сибиряковъ, а есть русскіе, живущіе въ Сибири, какъ нѣтъ особаго народа поволжанъ или донцовъ, а есть русскіе, живущіе на побережьяхъ Волги и Дона, такъ нѣтъ и особаго народа „украинцевъ“, а есть русское населеніе, живущее въ поднѣпровской области, которая во времена польско-литовскаго владычества лежала „у края“ государства и потому была называема Украиной. И населеніе поднѣпровской Украйны или Украйны всегда и неизмѣнно считало себя русскимъ. Что въ эпоху польско-литовскаго владычества это населеніе считало себя русскимъ, это признасть самъ Мих. Грушевскій. Въ своемъ трудѣ „Очеркъ исторіи Кіевской земли отъ смерти Ярослава до конца XIV столѣтія“ (Кіевъ, 1891 г.) Мих. Грушевскій пространно и обстоятельно доказываетъ, что въ эпоху литовскаго владычества составъ населенія Кіевской земли серьезныхъ измѣненій не претерпѣлъ: національное ядро его осталось прежнее. А каки-ль это населеніе было въ предшествовавшую эпоху, мы уже видѣли. Свой трудъ Мих. Грушевскій заканчиваетъ такъ:

„Съ присоединеніемъ Кіева къ могущественному Русско-литовскому государству, съ появленіемъ на Кіевскомъ столѣ членовъ знаменитой династии, политическое значеніе Кіева, его престижъ, несомнѣнно, поднимаются, въ иноземныхъ лѣтописяхъ чаще посявляется его имя и имена его князей. По замѣчанію современнаго историка, въ Русско-литовскомъ государствѣ „русская партія сосредоточивается въ Кіевѣ, и Кіевская земля получаетъ значеніе твердыни русской народности“. Отголоски этого значенія Кіева слышатся въ словахъ Ягайла, назвавшаго однажды Кіевъ „изначальною столицею всѣхъ русскихъ земель“ (стр. 512).

То-же мы видимъ и въ эпоху казацкую: малороссійскіе казаки никогда никакихъ „украинцевъ“ не знали и всегда считали себя русскими. Въ малорусскихъ народныхъ „думахъ“ слова „украинцы“ совсѣмъ нѣтъ. Не зналъ этого, уже въ позднѣйшее время придуманнаго, слова, какъ уже было указано, и

пѣвецъ казацкой эпохи, малорусскій народный поэтъ Т. Г. Шевченко. Въ малорусской думѣ, посвященной описанію турецкой неволи, казакъ-невольникъ обращается къ Богу съ такой молитвой:

„Визволь, Господи, невольника з неволі
На простиі дороги,
На ясні зорі,
На руський берегъ,
На край веселий,
Меж мир крещений“.

(Историческія пѣсни малорусскаго народа съ объясненіями
Вн. Антоновича и М. Драгоманова, Кіевъ, 1874 г., томъ I, стр. 91).

А когда во время бури на Черномъ морѣ казаки

„Стали отцеву молитву
І паніматчину вихваляти,
Став їх Господь на Русь визволяти“.

(Тамъ-же, стр. 91).

Изъ приведеннаго видно, что малороссійскіе казаки свою родину считали „Русью“, „русскимъ“ берегомъ. Слово „Украина“ малорусскія „думы“ употребляютъ только въ значеніи территориально-нарицательнаго обозначенія, но ничуть не въ значеніи собстѣеннаго имени. Такъ, въ популярной думѣ о казакѣ Морозенкѣ мы находимъ такіе стихи:

„Поглядае Морозенко та на свою Украину,
Ой, що своя Украина, якъ макъ, процвітае,
А чужая Украина, якъ лысть, опадає“.

Малороссійскіе гетманы также считали себя русскими. Въ этомъ отношеніи достаточно сослаться на двухъ знаменитѣйшихъ гетмановъ — Петра Сагайдачнаго и Богдана Хмельницкаго. Первый изъ нихъ, ведя борьбу съ польско-католическимъ натискомъ на Поднѣпровскую Русь, заботился о поддержаніи и укрѣпленіи русскаго національнаго самосознанія. Умирая въ 1622 году, онъ завѣщалъ 1500 злотыхъ на обученіе русской молодежи греческому языку (дабы черезъ усиленіе познанія правилъ православно-греческой вѣры населеніе утверждалось въ православіи, а вмѣстѣ съ тѣмъ — и въ русскомъ національномъ самосознаніи). Богданъ Хмельницкій послѣ побѣдъ первой его войны съ поляками говорилъ въ Кіевѣ: „Выбью изъ польской неволи весь русскій народъ“. Это заявленіе Б. Хмельницкаго цитируетъ и проф. М. С. Грушевскій въ своей книжкѣ „Про старі часи на Україні“ (стр. 100), но съ очень характернымъ замѣчаніемъ отъ себя. Приведемъ эту цитату полностью:

„Доказав я, чого не думавъ, теперь докажу, що надумавъ, — казав Хмельницький: — выбью з лядської неволі увесь наш народ руський (се-б-то український)“

Такимъ образомъ, Мих. Грушевскій поправляетъ Богдана Хмельницкаго, который, видите-ли, ошибочно считалъ себя и весь свой народъ русскимъ, а ча самомъ дѣлѣ долженъ былъ, по мнѣнію проф. М. Грушевскаго, считать себя „украинцемъ“, а весь свой народъ — „украинскимъ“.

Вообще малороссійское общество эпохи гетмановъ всегда и неизмѣнно самоопредѣляло себя русскимъ. Для доказательства этого можно было-бы привести безконечное множество цитатъ изъ различныхъ актовъ и иныхъ документовъ того времени. Приведемъ нѣсколько болѣе яркихъ примѣровъ. Въ 1632 году въ инструкціи, данной казацкимъ посламъ, отправляемымъ на избирательный сеймъ, сказано: послы должны просить, чтобы „народъ нашъ русскій и духовенство наше“ не претерпѣвали обидъ и несправедливостей отъ уніатовъ (Архивъ Юго-Западной Россіи, часть III, томъ I, стр. 340, № 93).

Отъ эпохи того же сейма сохранился актъ избранія Петра Могилы въ митрополиты Кіевскіе. Актъ этотъ, впервые опубликованный М. А. Максимовичемъ (Собраніе сочиненій М. А. Максимовича, Кіевъ, 1876 года, томъ I, стр. 390—391), начинается такъ:

„Мы, сановники, рыцарство и все духовенство, обыватели короны Польской и великаго княжества Лиговскаго, люди народа Русскаго*, религіи Греческой, находящіеся въ послушаніи святого отца и пастыря нашего, патріарха Констнтинопольскаго, подписями рукъ нашихъ ниже поименованные и подробно означенные, для благополучнаго избранія вновь Государя нашего собравшись сюда изъ всѣхъ земель, воеводствъ и повѣтовъ, въ которыхъ находятся люди народа Русскаго, религіи старожитной Греческой (слѣдуетъ перечисленіе воеводствъ и повѣтовъ), участвуя всѣ сообща, по древнимъ правамъ и обычаямъ, въ избраніи общаго пастыря нашего, митрополита *всей Руси*, находящейся въ послушаніи патріаршемъ, согласно, ясно и добровольно объявляемъ и сознаемъ слѣдующее“.

Богданъ Хмельницкій въ 1654 году, на знаменитой Переяславской Радѣ, такъ жаловался на бѣдственное положеніе Малороссіи:

„Уже шесть лѣтъ живемъ безъ Государя въ нашей землѣ, въ безпрестанныхъ бранѣхъ и кровопролитіи съ сонителами и врагами нашими, хотящими искоренить церковь Божию, дабы и *имя русское* не помянулось въ землѣ нашей, что уже вельми намъ всѣмъ докучило“ (Полное Собраніе Законовъ Россійской Имперіи, томъ I, № 115).

Даже предтеча Мазепы—гетманъ Иванъ Выговскій, стремившійся къ отдѣленію Малороссіи отъ Московскаго государ-

*) Курси *имя* этой цитатѣ наши.

ства и къ соединенію ея, на началахъ автономіи, съ Польскимъ королевствомъ, самоопредѣлялъ себя русскимъ, а свою родину — русской землей. Какъ извѣстно, Гадячскимъ договоромъ, заключеннымъ Выговскимъ съ поляками въ 1658 году, предусмотрено было образованіе изъ малорусскихъ областей, подъ верховной властью Польши, автономнаго „великаго княжества русскаго“. Это признаетъ и Мих. Грушевскій (стр. 118 его книжки: „Про старі часи на Україні“).

На печати войска Запорожскаго эпохи гетмана Мазепы (въ 1690 году) вокругъ традиціоннаго изображенія малороссійскаго казака съ мушкетомъ выгравирована такая надпись: „Печать Малой Россіи Войска Его Царскаго Величества Запорожскаго“.

Наконецъ, какъ уже было указано, всѣ наши старые писатели-украинофилы, создатели малорусской литературы, считали себя русскими, а общерусскій языкъ—созданіемъ и достояніемъ всѣхъ вѣтвей одинаго русскаго народа.

III.

Итакъ, и въ древнее время, т. е. въ эпоху до-татарскую, и въ старое время польско-литовскаго владычества и, наконецъ, въ казацко-гетманскую эпоху наши предки всегда и неизмѣнно самоопредѣляли себя *русскими* и никогда никакихъ „украинцевъ“ не знали. И потому, если теперь появились люди, которые называютъ себя „украинцами“ и утверждаютъ, что они — не русскіе, то мы имѣемъ здѣсь дѣло съ отступничествомъ, съ отреченіемъ отъ великаго и славнаго имени нашихъ предковъ, множество поколѣній которыхъ въ теченіе многихъ вѣковъ поливали нашу страну своимъ потомъ и кровью. Что можно сказать объ этомъ отступничествѣ, продиктованномъ политическими цѣлями и соображеніями? Оно во всякомъ случаѣ не говоритъ о любви къ родному краю и къ родному народу, ибо, хотя „украинцы“ вездѣ и всегда и стараются подчеркнуть свою любовь ко всему родному и особенно къ родной старинѣ, но что же это за любовь къ родной старинѣ, когда „украинцы“ отрекаются отъ самаго важнаго и самаго драгоцѣннаго въ нашей національной старинѣ — отъ великаго и славнаго имени нашихъ предковъ и чрезъ то оказываются людьми безъ роду и безъ племени, въ полномъ смыслѣ слова, „не помнящими родства“.

Это отступничество создано и возвращено не русскими людьми, и назначеніемъ его является служеніе политическимъ видамъ и пользамъ чужихъ народовъ и государствъ. Впервые теорія о существованіи особой украинской національности появилась лишь послѣ раздѣловъ Польши. Создана она и выдвинута польскими патриотами, которые этимъ путемъ хотѣли доказать, что Россія не имѣетъ никакихъ правъ на области Ю. с.

Западнаго Края (Кіевщина, Волинь и Подолія). Позже эта теорія приобрѣтала все новыхъ и новыхъ сторонниковъ въ средѣ польскихъ ученыхъ и политиковъ. Особенно большую роль въ этомъ отношеніи сыграли представители Уманской школы базилианъ — талантливые ученые Грабовскій, Залескій и др. Они доказывали, что населеніе Малороссіи — это не русскій народъ, а совершенно особый народъ, средній между русскими и поляками, но стоящій ближе къ полякамъ, чѣмъ къ русскимъ, и въ значительной степени усвоившій польскую культуру. Такимъ образомъ, идейный фундаментъ современнаго украинства былъ заложенъ поляками. Совершенно ясны цѣли, которые при этомъ преслѣдовали польскіе патріоты: они стремились къ тому, чтобы оторвать и обособить Малороссію отъ остальной Россіи и подготовить ассимиляцію населенія Малороссіи и сліяніе его съ польскимъ народомъ и Польшей. Послѣ неудачи польскаго возстанія 1863 года, когда развитію польскаго вліянія въ Юго-Западномъ краѣ положены были рѣшительныя преграды, дальнѣйшая обработка идеи украинства вскорѣ возобновлена была въ Австріи. И здѣсь украинство играло служебную роль по отношенію къ чужимъ видамъ и планамъ — на этотъ разъ видамъ и планамъ австрійскій политики, стремившейся къ тому, чтобы подготовить обособленіе и отторженіе Малороссіи отъ остальной Россіи. Еще позже дѣломъ поддержанія и развитія украинскаго движенія энергично занялась Германія, видѣвшая въ украинствѣ орудіе расчлененія Россіи и поставившая стремленіе къ этому расчлененію въ основу всей своей политики. Новѣйшія фазы развитія украинскаго движенія цѣликомъ являются продуктомъ германской политики.

Каковы-бы, однако, ни были происхожденіе и сущность украинства, но если-бы оказалось, что украинское отступничество охватило широкія народныя массы населенія Малой Руси, что это населеніе отреклось отъ многовѣкового національнаго имени своихъ предковъ и болѣе не считаетъ себя русскимъ, а самоопредѣляетъ себя украинцами, то съ такимъ явленіемъ, какъ уже было указано нами, пришлось-бы считаться и такъ или иначе пришлось-бы склониться передъ совершившимся фактомъ. Но въ томъ-то и дѣло, что въ дѣйствительности ничего подобнаго нѣтъ. Мы уже видѣли, какъ вожди украинскаго движенія „пзрелицевываютъ“, фальсифицируютъ нашу исторію. То-же они дѣлаютъ и съ живымъ народомъ: они его *неименовываютъ*. Безъ вѣдома и согласія народа они отнимаютъ у него его исконное національное имя — русскій — и объявляютъ, что онъ — не русскій народъ, а украинскій. Новая терминологія вводится насильственно и принудительно. Ни с какомъ самоопредѣленіи здѣсь нѣтъ и рѣчи. У населенія Малороссіи ни разу даже не страшивали о томъ

какъ въ національномъ отношеніи онъ самоопредѣляетъ себя: его прямо зачислили въ „украинцы“. Прісмы украинскихъ статистиковъ не имѣютъ ничего общаго съ принципомъ свободы національнаго самоопредѣленія. Опредѣленіе количества „украинцевъ“ въ Южной Россіи украинскіе статистики основываютъ не на опросѣ населенія, не на его волеизъявленіи по вопросу о національномъ самоопредѣленіи, а на своеобразной презумпціи. Пріемъ этихъ статистиковъ таковъ: они высчитываютъ, сколько въ Южной Россіи живетъ великороссовъ, евреевъ, поляковъ, нѣмцевъ, чеховъ и т. д.; выходитъ, что всѣхъ „инородцевъ“ въ Южной Россіи насчитывается 29 процентовъ. И вотъ рѣшеніе вопроса о количествѣ „украинцевъ“ въ Южной Россіи готово: остальные 71 процентъ населенія цѣликомъ зачисляются въ украинцы. Противъ такого статистическаго пріема малороссы, т. е. русскіе Малой Руси, всегда горячо протестуютъ. Казалось-бы, статистическій пріемъ долженъ быть совершенно иной, и ужъ если допускать презумпцію, то только въ пользу русскаго населенія, ибо такъ какъ коренное населеніе Южной Руси всегда, въ теченіе всей 1000-лѣтней нашей исторіи, самоопредѣляло себя русскимъ, то ясно, что къ числу украинцевъ могутъ быть отнесены только тѣ представители населенія Южной Россіи, которые отреклись отъ русскаго имени своихъ предковъ и самоопредѣлили себя украинцами. Вся же остальная часть коренного населенія Южной Россіи должна быть признана русской. Въмѣсто этого многомилліонную массу кореннаго населенія Южной Россіи, безъ вѣдома и согласія ея, зачислили въ „украинцы“. Украинскіе политики и статистики не только не позаботились о томъ, чтобы опросить населеніе Южной Россіи, какъ оно въ національномъ отношеніи самоопредѣляетъ себя, но они даже про естуютъ противъ необходимости и даже допустимости такого опроса, ссылаясь при этомъ въ видѣ аргумента на такое соображеніе, что де деревенское населеніе въ слѣдствіе своей непросвѣщенности, темноты не будетъ знать, какъ ему отвѣчать на вопросъ о его національности. Въ устахъ „демократовъ“ такой аргументъ очень характеренъ и показателенъ. Между тѣмъ нашъ народъ, при всей его темнотѣ, отлично знаетъ, какой онъ національности и каково его національное имя. Коренное населеніе Южной Россіи, какъ и его предки, считаетъ себя русскимъ, а навязываемаго ему новаго названія „украинцы“ даже и не знаетъ, какъ не знаетъ и созданнаго въ Галиціи „украинскаго“ языка. Во всякой малорусской деревнѣ крестьяне на вопросъ: кто вы такіе, какого вы народа, — отвѣтятъ: мы — русскіе. Замѣчательно, что даже въ тѣхъ случаяхъ, когда населеніе данной мѣстности опредѣленно самоопредѣляло себя русскимъ, украинскія власти грубо игнорировали это. Когда во время различныхъ анкетъ, производившихся въ различныхъ

мѣстахъ по тѣмъ или инымъ поводамъ, представители коренного мѣстнаго населенія называли себя *русскими* или *малороссами*, то украинскія власти отказывали имъ въ правѣ именоваться такъ: тѣхъ, кто называлъ себя *русскими*, власти зачисляли въ *великороссы*, а тѣхъ, кто называлъ себя *малороссами*.—зачисляли въ *украинцы*. Такимъ образомъ, украинскія власти не допускали въ Южной Россіи самаго существованія *русской* народности. Въ коренной и самой русской землѣ, которая является гнѣздомъ русскаго народа и русской государственности и откуда пошло расселеніе русскаго народа по всей восточно-европейской равнинѣ, русскій народъ вдругъ, по приказу украинскихъ властей, безслѣдно исчезъ, и представителей коренного русскаго населенія Южной Россіи стали насильственно зачислять либо въ украинцы, либо въ великороссы. Между тѣмъ огромное большинство коренного населенія Южной Россіи—не украинцы и не великороссы, а просто русскіе или, въ болѣе тѣсномъ смыслѣ слова,—малороссы (т. е. русскіе Малой Руси). И не странно-ли то обстоятельство, что украинцы великороссовъ признаютъ, но русскихъ и особенно малороссовъ рѣшительно не признаютъ? Но вѣдь терминъ *великороссы* представляетъ собой болѣе тѣсное, видовое опредѣленіе части „россовъ“, т. е. русскихъ, и, какъ показываетъ самый смыслъ этого слова, онъ заключаетъ въ себѣ противоположеніе другому виду „россовъ“—*малороссамъ*.

Проникнутое глубокимъ сознаниемъ своей русской національности и своего національнаго единства со всѣмъ русскимъ народомъ, населеніе Южной Россіи столь-же сознательно относится и къ вопросу о государственномъ единствѣ Россіи. Агитація сепаратистовъ въ малорусской народной массѣ не имѣетъ никакого успѣха, и вся эта масса населенія всегда стояла и стоитъ за единую Россію и не мыслить существованія своей родины внѣ единой Россіи. Правда, демагогическая агитація крайнихъ элементовъ, воспользовавшись некультурностью крестьянъ и ихъ непреодолимымъ стремленіемъ къ получеію земли, подняла часть темной народной массы и увлекла ее на путь бунта, которому вожди этого бунта придали характеръ сепаратическаго движенія. Но сепаратизмъ здѣсь обманно пристегнуть къ аграрному движенію и является политической контрабандой. Крестьянскія возстанія и бунты въ Южной Россіи имѣютъ въ основѣ своей тѣ-же побужденія, что и большевистское движеніе въ Великороссіи: мотивы этихъ возстаній не національно-политическіе, а исключительно классовые, притомъ въ самомъ дурномъ смыслѣ этого слова. Вожди украинскаго движенія всегда хорошо знали и знаютъ, что малорусское крестьянство частью равнодушно, частью враждебно къ идеѣ украинскаго сепаратизма. Вотъ почему украинскіе сепаратисты всегда опе-

рировали въ малорусской, народной массѣ исключительно при помощи классовыхъ, социалистическихъ лозунговъ, выдвигая на первый планъ лозунгъ о раздѣлѣ земель, а свои сепаратистическія цѣли и стремленія тщательно замалчивали и даже отрицали. Они хорошо знали, что малорусское крестьянство можно поднять только лозунгомъ о землѣ. Этимъ и объясняется то весьма характерное обстоятельство, что всѣ представители украинскаго сепаратизма и всѣ безъ исключенія основанными ими кружки и партіи выступаютъ подъ флагомъ социализма: социалистическая марка является обязательной и необходимой для украинскихъ сепаратистовъ, хотя для многихъ изъ нихъ социалистическій костюмъ явно не къ лицу. Мы имѣемъ здѣсь дѣло съ политическимъ маскарадомъ, рассчитаннымъ исключительно на то, чтобы этимъ путемъ обманывать народъ. Характернѣе всего, что притворный социализмъ у вождей украинскаго движенія соединяется съ крайней степенью націоналистическаго шовинизма и изувѣрства.

Однако расчеты и планы украинскихъ сепаратистовъ потерпѣли полное крушеніе. Опытъ показалъ, что при помощи лозунга о землѣ (и только при помощи этого лозунга) въ Россіи дѣйствительно можно поднять часть крестьянства. На этомъ и былъ основанъ первоначальный успѣхъ (послѣ переворота 27 февраля 1917 года) той партіи въ Россіи, которая, такъ сказать, специализировалась на обработкѣ темы о землѣ, — партіи социалистовъ-революціонеровъ. Еще начиная съ семидесятыхъ годовъ минувшаго столѣтія, русскіе революціонеры въ основу всей своей тактики положили призывъ къ отобранію и раздѣлу земель, ибо они уже тогда поняли, что ничѣмъ инымъ нашего крестьянства поднять на бунтъ и возстаніе нельзя. Но тему о землѣ съ успѣхомъ эксплуатировали, по тактическо-демагогическимъ соображеніямъ, и представители совсѣмъ иныхъ политическихъ теченій. Между прочимъ, этой темѣ удѣляли вниманіе крайніе правые демагоги. Къ чему могла привести работа крайнихъ правыхъ въ этой области, прекрасно видно изъ опыта, продѣланнаго на Волыни. Почаевскій отдѣлъ Союза Русскаго Народа, руководимый весьма энергичнымъ архимандритомъ Виталіемъ и раскинувшей сѣть своихъ организацій по всей Волынской губ., собралъ и объединилъ въ своихъ рядахъ сотни тысячъ крестьянъ Волынской и сосѣднихъ съ ней губерній. Вся эта масса крестьянъ дружно, подъ руководствомъ архимандрита Виталія, выступала на защиту неограниченнаго Самодержавія. При выборахъ во 2, 3 и 4-ую Государственныя Думы крестьяне Волынской губ. дружно голосовали за крайнихъ правыхъ и парализовали всѣ усилія лѣвыхъ партій. Неоднократно отъ населенія Волынской губ. къ покойному Императору Николаю Александровичу поступали адреса, содержавшіе въ себѣ

мольбы о необходимости хранить въ полной неприкосновенности Царское Самодержавіе. Адресы эти имѣли сотни тысячъ подписей. И всего этого архимандритъ Виталій достигъ тѣмъ, что обрабатывалъ тему о землѣ, говорилъ о необходимости дополнительнаго надѣленія крестьянъ землей и доказывалъ, что земельная реформа въ этомъ смыслѣ можетъ быть осуществлена только Самодержавнымъ Царемъ, подобно тому, какъ только Самодержавный Императоръ Александръ II могъ въ 1861 году освободить крестьянъ съ надѣленіемъ ихъ землей. И если тѣ самые волынскіе крестьяне, которые въ погонѣ за землей нѣсколько лѣтъ тому назадъ подъ руководствомъ архимандрита Виталія твердо и стойко защищали Царское Самодержавіе, въ 1918 году въ погонѣ за той-же землей пошли за Петлюрой, то это не значитъ, что эти крестьяне — украинскіе сепаратисты. И развѣ не показательно то обстоятельство, что вожди украинства, дважды поднявъ часть крестьянства чисто-классовыми лозунгами и овладѣвъ властью (первый разъ Грушевскій и Петлюра, а второй разъ, — Петлюра и Винниченко), оба раза, въ разгаръ работъ по созиданію „самостійнаго“ украинскаго государства, были легко свергнуты большевиками, являющимися безъ сомнѣнія, представителями общерусскаго централизма, и тѣ самыя толпы, которыя были подняты украинскими демагогами, переходили на сторону централистическаго большевизма. Вотъ почему при разсмотрѣніи вопроса о томъ, какъ крестьянское населеніе Южной Россіи относится къ лозунгамъ украинства и въ частности — къ лозунгу „самостійной“ Украины, необходимо чисто-политическіе вопросы тщательно отдѣлять отъ вопроса аграрнаго. И мы видимъ, что когда вопросы украинизаціи, а также вопросы государственнаго устройства Россіи и ея частей ставятся передъ малорусскимъ крестьянствомъ не въ связи съ аграрнымъ вопросомъ, то результаты получаются совершенно иные. Такъ, на примѣръ, извѣстно, что къ украинизаціи народной школы деревенское населеніе Малороссіи отнеслось крайне несочувственно и даже враждебно, и отъ сельскихъ крестьянскихъ обществъ во всѣхъ губерніяхъ поступало много приговоровъ съ требованіемъ возстановить въ школахъ преподаваніе на общерусскомъ языкѣ, гораздо болѣе близкомъ и понятномъ малорусскому крестьянину, чѣмъ искусственно сочиненный галицко-украинскій языкъ. Вопросъ о выдѣленіи Малороссіи въ отдѣльное государство, какъ извѣстно, никогда не ставился на все-народное голосованіе, и Центральная Рада Мих. Грушевскаго, состоявшая изъ кучки людей, самозванно присвоившихъ себѣ пражу и власть народныхъ представителей, въ январѣ 1918 года, въ силу соглашенія съ нѣмцами, состоявшагося въ Брестѣ Литовскѣ, провозгласила Украину самостоятельнымъ государствомъ, вовсе не поинтересовавшись знатъ волю народа по этому вопросу. Нѣ-

мецкій генераль Гофманъ въ бесѣдѣ съ представителемъ англійской печати сказалъ: „Украина—дѣло моихъ рукъ, а не является продуктомъ сознательнаго волеизъявленія самого народа, о чемъ теперь не безъ удовольствія воображаютъ украинцы. Я создалъ Украину для того, чтобы имѣть возможность заключить миръ хоть съ частью Россіи“. Такимъ образомъ, въ провозглашеніи украинской государственной „самостійности“ населеніе Южной Россіи никакого участія не принимало. Однако населеніе Южной Россіи имѣло однажды случай—и какъ разъ около того же времени, когда была провозглашена украинская „самостійность“—высказаться по этому вопросу. Этотъ случай дали ему выборы въ Украинское Учредительное Собраніе, производившіеся въ январѣ 1918 года (передъ первымъ нашествіемъ на Малороссію большевиковъ) на основѣ всеобщаго избирательнаго права. Всѣ украинскія партіи на этихъ выборахъ выступали съ лозунгами социалистическо-аграрными и объ отдѣленіи отъ Россіи и образованіи самостоятельнаго Украинскаго государства не говорили въ своихъ выборныхъ программахъ ни слова. Только одна изъ украинскихъ партій составила исключеніе: это партія „самостійниковъ“, которая рѣшила дѣйствовать откровенно и выступила на выборахъ въ Украинское Учредительное Собраніе съ лозунгомъ украинской „самостійности“. И что же? Партія „самостійниковъ“ потерпѣла во всей Южной Россіи самое жестокое пораженіе и собрала совершенно ничтожное число голосовъ. Напримѣръ, въ Кіевской губ., которая должна была послать въ Украинское Учредительное Собраніе 45 депутатовъ, „самостійники“ не провели ни одного депутата.

Насколько въ средѣ малороссовъ сильно русское національное самосознаніе и неискоренимо сознаніе единства всего русскаго народа, видно изъ того, что даже въ забитой и гонимой Галицкой Руси, гдѣ русское населеніе въ теченіе многихъ лѣтъ было подавляемо тяжкимъ польско-австрійскимъ игомъ и подвергаемо насильственной украинизаціи, русская партія всегда была очень сильна. Такъ, на парламентскихъ выборахъ 1907 года старорусская партія собрала 171.000 голосовъ, а на выборахъ въ сеймъ въ 1908 году старорусская партія провела 9 депутатовъ (противъ 12 депутатовъ, проведенныхъ украинцами), и это—несмотря на страшныя притѣсненія и злоупотребленія властей (Проф. Н. В. Ястребовъ: „Галиція наканунѣ Великой войны“, стр. 137 и 138).

Въ концѣ минувшаго года въ Галиціи состоялось много съѣздовъ представителей кореннаго населенія области, на которыхъ были приняты рѣшенія—добиваться присоединенія восточной Галиціи къ единоплеменной Россіи (но отнюдь не къ „самостійной“ Украинѣ). Объ этихъ чаяніяхъ и стремленіяхъ

населенія восточной Галиціи одинъ изъ вождей русской партіи въ Галиціи, бывшій депутатъ вѣнскаго парламента Д. А. Марковъ, довелъ до свѣдѣнія мирной конференціи въ Парижѣ. Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что русское движеніе въ восточной Галиціи будетъ расти и шириться, и придетъ то время, когда населеніе этой области пойдетъ по пути, указанному малороссамъ Богданомъ Хмельницкимъ на Переяславской Радѣ 1654 года. Въ самой западной части территоріи этнографическаго расселенія русскаго народа этотъ процессъ уже созрѣлъ. Такъ, 13 ноября 1918 года въ г. Пряшевѣ состоялось собраніе 200 делегатовъ западныхъ комитатовъ Угорской Руси, и это собраніе делегатовъ постановило добиваться присоединенія Угорской Руси къ единоплеменной Россіи. Тогда-же была избрана „Русская Народная Рада“ Угорской Руси, подъ предсѣдательствомъ д-ра А. Бескида, бывшаго депутата венгерскаго парламента, и этой „Радѣ“ было поручено добиваться, чтобы Угорской Руси, въ силу принципа свободы національнаго самоопредѣленія, было предоставлено право устроить свою судьбу согласно волѣ ея населенія. На новомъ създѣ въ Кошицахъ (21 декабря 1918 г.) Русская Народная Рада Угорской Руси и Русскій Совѣтъ Лемковщины (самая западная часть восточной Галиціи) объединились и образовали Карпато-Русскую Народную Раду, которая борется за единство русскаго народа и за объединеніе его въ одно государство.

Болѣе вѣскимъ и убѣдительнымъ для рѣшенія вопроса о томъ, какъ въ національномъ смыслѣ самоопредѣляетъ себя населеніе Южной Россіи, является голосъ культурнаго класса, сосредоточеннаго, главнымъ образомъ, въ городахъ. Въ этомъ отношеніи дѣла „украинцевъ“ обстоятъ очень плачевно. Сами украинскіе дѣятели признаютъ и часто жалуются, что интеллигенція и вообще весь культурный классъ малороссійскаго населенія не сочувствуетъ украинскому движенію и относится къ нему отрицательно. И дѣйствительно, противъ украинизаціи Малой Руси и противъ отдѣленія ея отъ единой Россіи подали свои протестующіе голоса вѣскими, мотивированными заявленіями старѣйшій разсадникъ просвѣщенія въ Малой Руси — Кіевская духовная академія, всѣ три университета Южной Россіи — Кіевскій, Харьковскій и Одесскій, Кіевскій политехническій институтъ и другія высшія учебныя заведенія края. Съ такими-же протестами выступили: учительскій союзъ, всеукраинскій родительскій създъ, всѣ три судебныя палаты Южной Россіи (Кіевская, Харьковская и Одесская) и множество другихъ учреждений и организацій. Единственное за все время революціи правильно и свободно избранное представительное учрежденіе Южной Россіи — Всеукраинскій Церковный Соборъ (въ выборахъ представителей на этотъ Соборъ имѣли возможность принять

участіе всѣхъ православные приходы Южной Россіи, въ томъ числѣ, слѣдовательно, и все малорусское населеніе) — многократно и рѣшительно, несмотря на всяческія давленія, высказался противъ украинизаціи и противъ отдѣленія отъ единой Россіи. А когда банды Петлюры овладѣли Кіевомъ, послѣ чего главные дѣятели Церковнаго Собора, съ митрополитомъ Кіевскимъ Антоніемъ во главѣ, были арестованы и украинская директорія провозгласила отдѣленіе украинской церкви отъ церкви общерусской, то Соборъ епископовъ всей Южной Россіи торжественно поклялся хранить вѣрность единой русской церкви и провозгласилъ отлученіе отъ церкви всѣмъ тѣмъ, кто будетъ насильственно этому противодѣйствовать.

Не менѣе показательны результаты различныхъ выборовъ, разновремененно производившихся въ городахъ Южной Россіи по самому демократическому избирательному закону. На выборахъ въ городскія думы, производившихся лѣтомъ 1917 года, на основѣ избирательнаго закона, изданнаго Временнымъ Правительствомъ князя Львова — Керенскаго и построеннаго на принципѣ пропорціональнаго представительства, въ такихъ центрахъ, какъ Кіевъ, Одесса, Харьковъ, Екатеринославъ, Херсонъ, Полтава, Житомиръ и др., процентъ гласныхъ, прошедшихъ отъ украинскихъ партій, былъ крайне незначителенъ, а въ нѣкоторыхъ городахъ прямо ничтоженъ. Вообще главные городскіе центры Южной Россіи, въ которыхъ сосредоточены массы наиболѣе сознательнаго населенія, много разъ ярко обнаруживали свой русскій характеръ. Вотъ, на примѣръ, данныя, говорящія языкомъ цифръ о томъ, какъ въ національномъ отношеніи самоопредѣляетъ себя населеніе столицы Малороссіи — Кіева. Въ концѣ 1917 года въ Кіевѣ была произведена всеобщая перепись населенія, изслѣдовавшая, между прочимъ, національный составъ населенія города. Перепись эта дала такіе результаты: изъ общаго населенія города, выразившагося въ количествѣ 460.412 душъ, русскими самоопредѣлило себя 54,73% всего населенія, евреями — 18,95% и украинцами — всего 12,21% („Кіевскія Городскія Извѣстія“, 1918 г., № 7). Данныя же о разговорномъ въ семьѣ языкѣ получились такія: русскій языкъ своимъ разговорнымъ языкомъ признало 62,19% всего населенія г. Кіева, а украинскій языкъ — всего 9,23% населенія. На выборахъ въ Украинское Учредительное Собраніе, происходившихъ въ январѣ 1918 года, всѣ шесть украинскихъ списковъ, вмѣстѣ взятые, собрали въ Кіевѣ 28,14% всѣхъ голосовъ (выборы были пропорціональные), причемъ надо принять во вниманіе, что за украинскіе списки, согласно отданному приказу, голосовало много тысячъ солдатъ, которые въ большемъ числѣ были собраны тогда въ Кіевѣ. Между тѣмъ изъ многихъ русскихъ списковъ одинъ только списокъ „Внѣ-

партійнаго блока русскихъ избирателей“ (списокъ Шульгина), кандидаты котораго опредѣленно выступали на выборахъ съ лозунгомъ единой, недѣлимой Россіи, собралъ 29,47% всѣхъ голосовъ (а если считать только гражданскіе избирательные участки, то 33,22%) и занялъ, по числу полученныхъ голосовъ, первое мѣсто, причемъ членомъ Украинскаго Учредительнаго Собранія отъ столицы Малороссіи былъ избранъ вождь той партіи коренныхъ мѣстныхъ людей, которая ярко самоопредѣляетъ себя русской, — В. В. Шульгинъ. Изъ приведенныхъ данныхъ видно, что г. Кіевъ по національному составу своего населенія является городомъ русскимъ, и „украинцы“ составляютъ въ немъ незначительное меньшинство населенія. Несмотря на это, украинцы, когда Кіевъ былъ занятъ въ декабрѣ 1918 года бандами Петлюры, подвергли городъ самой свирѣпой украинизаціи: во всѣхъ правительственныхъ и общественныхъ учрежденіяхъ было строжайше запрещено употребленіе русскаго языка, было приказано, подъ страхомъ суровыхъ каръ военнаго времени, уничтожить во всемъ городѣ всѣ русскія вывѣски и надписи, русскія газеты были закрыты и т. д.

Еще болѣе ярки и показательны данныя о распространеніи въ Малороссіи русскихъ и украинскихъ газетъ. До занятія Кіева Петлюрой въ декабрѣ 1918 г. въ Кіевѣ издавалось 6 украинскихъ газетъ. Всѣ онѣ безъ исключенія существовали на казенный счетъ. Единственная изъ украинскихъ газетъ, имѣвшая нѣкоторое основаніе претендовать на роль общественно-политическаго органа и одно время, повидимому, существовавшая безъ казенныхъ подачекъ, — „Нова Рада“, незадолго до возстанія Петлюры публично заявила, что вслѣдствіе равнодушія читателей и истощенія средствъ она будетъ вынуждена прекратить свое существованіе. Но гетманское правительство, очень ухаживавшее за „украинцами“ и вообще усердно прокламировавшее свою „самостійность“, какъ того требовали нѣмцы, дало „Новой Радѣ“ субсидію (или увеличило прежнюю), и газета продолжала выходить. Всѣ шесть украинскихъ газетъ, выходившихъ въ Кіевѣ, по даннымъ Кіевскаго комитета по дѣламъ печати, печатались въ общей сложности въ количествѣ 45.000 экземпляровъ. При этомъ надо имѣть въ виду, что украинскія газеты въ большемъ числѣ рассылались бесплатно. Такъ, напримѣръ, газета „Видродження“, органъ военнаго министерства, печатавшаяся въ количествѣ 15.000 экземпляровъ, рассылалась во всѣ войсковыя части и учрежденія, газета „Селянське Слово“ (9.000 экземпляровъ) рассылалась по селамъ и т. д. Въ то-же самое время газетъ на русскомъ языкѣ издавалось въ Кіевѣ 14, и общій тиражъ ихъ, по даннымъ Кіевскаго комитета по дѣламъ печати, составлялъ 287.400 экземпляровъ. При этомъ надо имѣть въ виду, что въ то время, какъ украин-

скія газеты, издававшіяся въ Кіевѣ, обслуживали всѣ губерніи Южной Россіи. русскія газеты г. Кіева обслуживали лишь районъ, тяготеющій къ этому городу (такъ какъ районы, тяготеющіе къ Одессѣ, Харькову и другимъ центрамъ Южной Россіи, имѣли свою хорошо развитую русскую печать).

Замѣчательно, что когда, послѣ занятія Кіева Петлюрой и послѣ закрытія въ Кіевѣ русскихъ газетъ, украинцы и основанное ими бюро пропаганды изыскивали пути и средства для пропаганды идей украинства, то они пришли къ тому заключенію, что единственнымъ средствомъ печатной пропаганды указанныхъ идей является издание украинскихъ газетъ на русскомъ языкѣ. И вотъ мы видѣли, какъ украинцы, на ряду съ неслыханными гоненіями всего русскаго, на ряду съ закрытіемъ русскихъ газетъ, съ запрещеніемъ русскихъ вывѣсокъ и разговоровъ на русскомъ языкѣ, предприняли было въ Кіевѣ издание двухъ своихъ газетъ на русскомъ языкѣ („Столичный Голосъ“ и русское издание „Новой Рады“). Въ этомъ украинскіе политики и журналисты видѣли единственное средство найти, наконецъ, себѣ читателей.

Всѣ приведенныя данныя и соображенія позволяютъ утверждать, что населеніе Южной Россіи всегда самоопредѣляло и нынѣ самоопредѣляетъ себя русскимъ и къ украинству, которое является не націей, а политической партіей, возвращенной въ Австріи и служащей видамъ австро-германской политики, относится явно отрицательно.

А. И. САВЕНКО.

